

Азбелев П.П.

(г. Санкт-Петербург, Россия)

ГЕРАЛЬДИЧЕСКАЯ ТРИАДА

1. Проблема

В одной из классических работ эрмитажного вещеведения Л.А. Мацулевич писал о явлении, за которым позднее закрепилось название «геральдического стиля» ранне-средневековых наременных принадлежностей: «Эти небольшие изделия, обычно из серебра или бронзы, характеризуются сильной профилёвкой с косым обрезом краёв и прорезной геометрической орнаментацией, при своеобразных, неизменно повторяющихся формах. Круг распространения памятников этого стиля чрезвычайно широк. Начиная от Керчи и Суук-Су и могильников Кавказа и Черноморского побережья, область распространения этого стиля охватывает юго-западную и центральную Россию, северо-восточный край, переваливает через Урал, достигает Иртыша, а последними раскопками 1925 г. С.И. Руденки и А.Н. Глухова доведена до Алтая. С другой стороны, тот же стиль в ином варианте охватывает на западе, ближайшим образом, Венгрию, приадриатическую Италию, Балканский полуостров, подходя по линии Чаталджинской позиции почти к самому Константинополю. Все эти крайне многочисленные предметы, несмотря на местные отклонения и различия, показывают исключительное единство стиля; с другой стороны, отдельные совершенно тождественные, неизменно повторяющиеся изделия встречаются в таких медвежьих углах тогдашнего культурного мира, что невольно приходит мысль о существовании единого крупного центра, рассадника этой культуры, каковым могла быть Византия» (Мацулевич Л.А., 1927, с.131-132).

Открытиями последовавших десятилетий в ареал геральдического стиля оказались включены Средняя и Передняя Азия, Ближний Восток и Восточный Туркестан, эпизодические находки есть и к востоку от Саяно-Алтая. Таким образом, несмотря на неравномерность распределения находок, можно с полным правом считать геральдический стиль глобальным (по меркам той эпохи) явлением. При этих условиях правдоподобность идеи о византийском происхождении уменьшается, да и высказана она была главным образом исходя из анализа богатого декора, отделяющего перещепинские находки от большинства прочих образчиков геральдического стиля; общие же признаки, объединяющие «геральдику» перечисленных областей, явно не византийские. Сходным образом и у А.К. Амброза именно второстепенные черты восточноевропейской «геральдики» легли в основу тезиса о её происхождении «от провинциально-византийских прототипов» (см., напр.: Амброз А.К., 1980, с.11) – тогда как если это и это верно, то лишь для декора, наслоившегося поверх уже сформировавшихся в иной среде морфологических основ, по которым как раз и опознаётся стиль. Между тем именно эти общие признаки и должны бы оказаться в центре внимания, если ставить себе задачей установить происхождение этого стиля, вернее – нащупать путь к решению этой проблемы.

В литературе о раннесредневековых поясных наборах Евразии нередки дискуссии об этнокультурной принадлежности и хронологии геральдических поясов, о правомерности дат, предлагаемых по соответствующим находкам для различных памятников и этапов развития материальной культуры. Далекое не все вещи, относимые к геральдическому стилю, в полной мере отвечают его первому описанию, когда-то данному Л.А. Мацулевичем; принадлежность вещей к стилю определяют интуитивно, по общему впечатлению от них, а не по какому-либо списку признаков. В исследовательской практике «геральдическими» именуют весьма разнообразные вещи из различных мест и порой

разного времени; даты при этом выясняют не обязательно по самим геральдическим находкам, но часто по сопутствующим предметам и прочим обстоятельствам, а единой системной хронологии, как и общепринятых идентификационных признаков, для раннесредневековой «геральдики» так и нет. Неопределённость понятия порождает путаницу и болезненное отношение к «геральдическим» датам; в какой-то мере это вызвано тем, что всякий знакомится с «геральдикой» на том материале, которым занимается сам, и собственно геральдическая традиция смешивается с посторонними признаками, взаимодействовавшими с «геральдикой» на разных этапах её развития в разных регионах; так размывается хронология и теряется логика развития геральдического стиля.

2. Вопросы методики

В основе этих дискуссий, как представляется, лежит непонимание сути историко-культурного феномена, условно именуемого «геральдическим стилем». Условно – ибо единого геральдического стиля, конечно, не существовало – слишком велики были пространства и разнообразны культуры, так или иначе охваченные этим явлением. Геральдический стиль, как и прочие древние транскультурные стили, существует прежде всего как способ восприятия материала современными исследователями; мы не знаем, осознавалось ли это единство в древности (в сходных обстоятельствах скифологи нередко предпочитают называть звериный стиль скорее художественным направлением, нежели стилем в прямом смысле слова). Но можно, обобщая исследовательскую практику, указать основные «сквозные» признаки, по которым изделия относят к числу геральдических, т.е. признаки, интуитивно выделяемые нами из общей суммы свойств материала в качестве стилеобразующих. Этих признаков, при всём разнообразии их проявлений, всего три. Можно было бы насчитать и больше, но свести описание именно к «триаде», с моей точки зрения, методически важно – по следующим причинам.

«Триадный» способ определения разномасштабных культурных феноменов естествен. В отличие от формального классифицирования, основанного на иерархии дихотомических членений материала, – образ явления, *впечатление* от него чаще опирается, как следует из наблюдений над исследованиями, на некое триединство. В далёкой от теоретического совершенства повседневной практике повторяющийся набор именно из трёх элементов, вне зависимости от их однородности, оказывается для нас психологически комфортным минимумом комплексности, своего рода «квантом неслучайности», позволяющим рассматривать некое сходство как проявление общности разных культур, типов памятников, категорий материала. Так, в своё время парадигмой евразийской археологии раннего железного века стало понятие «скифской триады» [критическую историю этого термина см. в блестящей статье В.С. Ольховского (Ольховский В.С., 1997)]; меньше известно понятие «тюркской триады», предложенное Д.Г. Савиновым, включившим в неё «погребения с конём и соответствующим набором предметов сопроводительного инвентаря, поминальные сооружения и изваяния, схематические изображения горных козлов типа Чуруктуг-Кырлан» (Савинов Д.Г., 1984, с.51).

Скифская и древнетюркская триады характеризуют явления общекультурного, «эпохального» уровня; но та же логика свойственна и вещеведению. Не случайно типологическая характеристика изделий подразумевает их анализ на трёх уровнях: 1) морфологической основы, общей геометрии вещи, 2) оформления этой основы – «расцветчиванием» геометрически элементарного контура и соотношением разных элементов, и 3) декора. Тот же алгоритм применим, в свою очередь, и к самим морфологическим основам, и к их оформлению, и к декору, т.е. «триады» выстраиваются в сложные иерархии; внешне они сходны с дихотомическими иерархиями классификаций, но отражают не столько свойства материала, сколько его восприятие.

Осознанно или интуитивно оперируя разноуровневыми «триадами», мы просто, однако надёжно структурируем пространство культур, акцентируем знаковые явления и процессы – точно так же в геометрии всего три точки, расставленные не в ряд, определяют плоскость. Устойчивые «триады», проявляющиеся в материалах разных культур, фиксируют связи соответствующих общностей с историко-культурными процессами, стоящими за условно выделенным триединством. В работе с географически и хронологически протяжёнными «пластами» удобно иметь ясный и неформальный инструмент диагностики транскультурных связей. Именно такой – во многом инструментальный смысл я и вкладываю в предлагаемое здесь понятие «геральдической триады».

«Триадное» определение декоративного стиля будет работать, если стилеобразующие элементы выбраны не случайно, а подчинены ясному алгоритму и последовательно отвечают на три вопроса (определяя три группы признаков стиля): 1) *что* изображено, т.е. какие элементы («персонажи») образуют декор, 2) *как* изображено, т.е. какие допускаются отступления от статистической нормы, «идеального элемента» (если речь о фигуративном декоре, – как искажается реальный прототип), и 3) *в каком соотношении* образующие декор элементы состоят между собой и с декорируемым предметом.

Этот алгоритм универсален, то есть равно действителен и для фигуративного*, и для орнаментального декора. Геральдический стиль орнаментален (ему свойственны и фигуративные элементы, но они сравнительно редки и не могут считаться стилеобразующими), и в роли «персонажей» оказываются простейшие формы. Поэлементная характеристика «геральдической триады», структурированная по вышеприведённому алгоритму, образует три группы признаков, вместе определяющие тот образ единства древних вещей, которой мы и зовём геральдическим стилем.

Предлагаемые заметки конспективны и предварительны: всесторонний анализ проблематики геральдического стиля должен бы составить предмет отдельного монографического исследования, изрядная часть которого должна быть посвящена интереснейшей и поучительной, но здесь для краткости пропущенной истории вопроса. Нет пока, увы, и свода евразийской «геральдики», составление которого – важная задача будущих изысканий.

3. Триада и её элементы

3.1. Морфологические основы.

Первый элемент триады – *бляшки специфической формы*, прежде всего в виде геральдического щита, приострénного или закруглённого; по ним этот стиль оформления фурнитуры и получил своё название. Нередко они имеют вычурный край, часто их украшает зооморфный, растительный или нефигуративный декор. Скруглённые бляшки менее показательны, чем приострénные, поскольку их форма слишком проста и могла по-

* Поясню это на общеизвестном примере фигуративного декора древних кочевников – звериного стиля: 1) изображаются звери или части их тел; 2) мастер отступает от «фотографического натурализма», акцентируя значимые, с его точки зрения, части тел (органы чувств – глаза, уши, ноздри – и средства защиты или нападения – рога, когти, клыки, копыта, клюв, основные мускулы); это акцентирование достигается качеством проработки, гипертрофированием или «зооморфными превращениями», при которых создаются уже фантастические образы, а незначимые части тел животных схематизируются – передаются гладкими поверхностями (иногда пишут: «широкими плоскостями»), превращающими части тел животных в стандартные «блоки». Животные даны в позах, определённых пространственным соотношением элементов декора, т.е. третьей группой признаков: 3) эти элементы декора, «персонажи» либо полностью покрывают декорируемую поверхность без явного взаимодействия, либо «поглощают» декорируемый предмет или его часть, либо вступают в схватку, образуя сцены терзания. Такое «триадное» описание одного из элементов «скифской триады» верно для всех вариантов звериного стиля, но не может быть применено к иным декоративным стилям.

являться в разных культурах независимо. история их прослеживается на несколько веков (рис. 1 – А). Ранние образцы приострѐнных форм фиксируются в первых веках н.э. на западе Средней Азии (Бабашовский и Орлатский* могильники); возможно, «протогеральдическими» нужно считать и некоторые более ранние находки из Восточного Туркестана (Цзяохэ), хотя у них несколько иные пропорции (Варѐнов А.В. и др., 2009, с.244, рис.2 – 19-21; благодарю С.В. Панкову, обратившую моѐ внимание на эти находки). Механизм переориентации «прото-геральдических» бляшек на ремне выясняется благодаря находке пояса в сино-согдийской могиле сабао Аньцзя (570-е гг.), где сохранились формы, позволяющие понять историю как геральдических (рис. 1 – стрелки 1, 3), так и порталных (рис. 1 – стрелки 1, 2) блях (подробно: Азбелев П.П., 2010а).

В «геральдическое» время с этой формой часто связаны бляшки других характерных очертаний, часто «в виде рыбьего хвоста», или «рогатые» (рис. 1 – 8); ещё один тип – четырёхугольные щитки и бляшки с двумя прямыми и двумя дугообразно фацетированными краями – по отдельности почти не встречается и обычно входит в состав комбинированных изделий; подробнее об этих формах сказано ниже. Одна сторона большинства специфических бляшек геральдического стиля, как правило, спрямлена и представляет собой условное «основание»; остальные стороны – фигурные.

3.2. Оформление морфологических основ.

Второй элемент – *специфический ажурный (прорезной) декор*, образуемый в основном серповидными, округлыми и треугольными прорезями. Л.А. Мацулевич назвал эти прорези «геометрическими». Прорези иногда складываются в стилизованное «изображение» лица; когда-то В.Б. Ковалевская даже попыталась в серии работ формальными средствами показать, что именно лицо и было исходным мотивом (напр., Ковалевская В.Б., 1970), но доказала лишь то, что формально-процедурная метода возвращает исследователю интуитивную идею, заложенную в исходных данных, вне зависимости от её правдоподобия. На деле исходная форма – обычные для позднесарматских памятников рамки пряжек со вписанными симметричными полуволютами (рис. 1 – Б). При уплотнении гипертрофировании – технологически обусловленном типогенетическом процессе, охватившем в эпоху раннего средневековья многие культуры – эти полуволюты сливаются с собственно рамкой и образуют данную систему прорезей, на которую и переносится акцент декора (рис. 1 – стрелки 4, 5). Еѐ случайное сходство со схемой лица, несомненно, порой обыгрывалось ремесленниками, всегда любящими поиграть с формой в рамках своих представлений о норме (именно так в эпоху жѐсткого традиционализма проявляется творческая сущность человека); но чаще всего эта прорезная композиция, первоначально очень стойкая, со временем разваливалась, и в типологически поздних версиях прорези бывают рассыпаны уже вполне хаотически (бывает, что это уже и не прорези, а воспроизводящие их контур иные элементы декора). Сохраняется, однако, типовой набор очертаний прорезей, применяемых уже не только на щитках и бляшках, но на иных предметах – подножиях стремян, а быть может, и лопастях черешковых наконечников стрел (это спорно, поскольку прорезные стрелы делали и раньше; речь идёт о возможном влиянии геральдического ажурного декора на старую традицию прорезных стрел).

С распространением вещей катандинского этапа из степи на её лесную периферию (не ранее середины – второй половины VII в.) ажурный геральдический декор порой пе-

* В одной из последних своих работ Б.И. Маршак назвал малые орлатские бляшки «пластинами для гадания» (Маршак Б.И., 2009, с.10); как мне любезно подтвердила В.И. Распопова, это не опечатка. Но, к сожалению, осталось неясным, каков был замысел автора, – ведь форма, следы крепежа и декор этих изделий убеждают в том, что это именно «протогеральдические» декоративные накладки, если и не поясные, то стилистически – подчёркнуто единые с заведомо поясными пряжками.

реносится и на бляшки со смещённой щелевой прорезью (а на аналогичные, тоже катандинские по происхождению, но утратившие прорезь – и фигуративный: Голдина Р.Д., 1985, с.220, табл.ХII – 13).

Типичные для геральдических наборов «рогатые» бляшки воспроизводят ту же композицию из парных волют, но искажают её иначе: акцент декора с волют на прорези не переносится, зато уплощённые симметричные волюты выступают как самостоятельный элемент, без окружающего их кольца рамки (рис. 1 – стрелки 4, 6). Типогенетическое единство прорезного декора и бляшек в виде «рыбьего хвоста» позволяет трактовать эту вторую часть триады шире – как элементы, имеющие в своей основе (в типологической ретроспективе) пару симметричных полуволют.

В этой же группе признаков – боковые вырезы удлинённых щитков (может быть, восходящие к сходным вырезам костяных и роговых пряжек, скрывающим окончания оси для язычка?) и вариативность самих «геральдических» щитков. Неизменны: общая симметричность изделия, наличие спрямлённого основания бляшки (иногда у бляшки два противопоставленных основания, и тогда она симметрична относительно двух перпендикулярных осей) и фигурность остальных сторон. В остальном бляшки разнятся: имеют скруглённый или приострёрнный «носок», более или менее вычурные края, остаются гладкими или «обрастают», как перещепинские и подобные им, разнообразной декоративной мишурой. Этот вторичный декор зависит от местных привычек и к истории собственно геральдического стиля прямого отношения не имеет.

3.3. Соотношение элементов.

Третья группа признаков – пространственное соотношение элементов декора – определяется прежде всего *композиционностью изделий*. Многие бляшки геральдического стиля имеют сложный контур, образуемый жёсткой состыковкой бляшек простых форм, в исходном (имитируемом) варианте сочетающихся на гибкой основе. Соответственно, кажущееся бесконечным многообразие составных геральдических форм нельзя систематизировать посредством их механического перебора, как это сделал, например, А.В. Богачёв в известной работе, выполненной на материалах Среднего Поволжья (Богачёв А.В., 1992, с.85-86, рис.10); нужно классифицировать не сами сложные формы, а способы их компоновки из простейших элементов (рис. 1 – В). Для «геральдики» стандартны и всеобщы два вида состыковки: продольная и лучевая.

Продольно чаще всего стыкуются спрямлённые основания: бляшки как бы «вертикально» противопоставляются. В этой разновидности обычны сочетания щитовидных и «рогатых» бляшек в трёх основных вариантах: а) две щитовидные (одного или разного размера, т.е. воспроизводится композиция «наконечник подвесного ремешка + бляшка для его крепления к поясу»), причём одна из них иногда несёт изображение стоящего животного или всадника на коне, б) щитовидная и «рогатая» (рис. 1 – 11б), в) две «рогатые» (в последнем случае образуются характерные Х- и Ж-образные контуры, весьма разнящиеся по степени гипертрофирования завитков). Другие варианты сочетаний редки.

Сходным образом знаменитые псевдопряжки имитируют внешний вид как собственно пряжек, так и пряжек в сочетании с наконечниками или (изредка и не повсеместно) с обоймами-трениками, также представляя собой проявление принципа композиционности форм (пряжка подвесного ремешка + бляшка-накладка на его креплении к поясному ремню). Частый элемент продольно-композиционных бляшек – имитация наконечника с валиком (в ретроспективе это пластинчатая обойма с муфтообразным сгибом, характерный тип крепления ремня к рамке, широко распространившийся ещё в хуннскую эпоху; в «геральдике» воспроизводится, скорее всего, поздний восточноевропейский

вариант, в котором функциональное расширение обоймы превратилось в декоративный поперечный валик наконечника).

Сюда же (по признаку композитности) следует отнести типовую жёсткую форму, состоящую из щитовидной (реже «рогатой») бляшки и Т-образной перекладины, окончания которой иногда сливаются с «оттянутыми» углами спрямлённого основания бляшки (рис. 1 – 11а). Происхождение Т-образной формы очевидно: эти бляшки воспроизводят гибкую композицию из традиционной для кочевников (с аржанского времени, если не глубже) застёжки-«костылька» с перехватом в середине, на который накинута ременная или матерчатая петелька, закрепляемая, в свою очередь, под прикрывающей основание петельки бляшкой. Возможно, эта жёсткая имитация составной композиции ассоциировалась и с колчанными крюками, иногда имеющими на конце перекладинку. Т-образные бляшки могли быть как чисто декоративны (и тогда порой окончания перекладинок сливались с уголками щитка), так и функциональны (на перекладинку можно, как на пуговицу, накинуть петельку). Позднее, в конце I тыс., на основе таких застёжек складывается (в сросткинской и синхронных ей культурах) специфический тип пряжек, состоящих из двух симметричных ажурных щитков, отливаемых один с металлической петелькой, другой – с входящим в эту петлю крючком; эта конструкция была популярна ещё в течение нескольких веков (см., например: Басандайка, табл.33 – 15, 16).*

По той же схеме стыкуются с другими элементами и щитки с дугообразно фацетированными краями, восходящие, надо полагать, к аналогичным по очертаниям рамкам пряжек (об их истории см.: Азбелев П.П., 2009, с.32); подобные «переклички» форм (щитки и рамки пряжек, щитки пряжек и наконечники поясов) – наследие традиции симметричных поясов эпохи древних кочевников (о симметричных и асимметричных поясах в контексте их общей типологии см.: Азбелев П.П., 2008а, с.286-287). Окончательного решения вопрос о происхождении бляшек и щитков с дугообразным фацетированием пока не имеет.

Лучевая состыковка обычно применялась с щитовидными бляшками; учитывая связку композитности с имитациями, здесь можно усматривать имитацию ременных тройников-распределителей; часть таких изделий соответствующим образом, надо полагать, и использовалась. Известны накладки, воспроизводящие круглые тройники с тремя наконечниками подсоединённых к центральному кольцу ремней, или без них. Трактовать ли подобным образом бляшки из четырёх выпуклых округлых элементов (я условно имею их «квадрифолическими», см. Гаврилова А.А., 1965, табл.ХІХ – 2), пока неясно.

Стык элементов в композитных изделиях часто как-либо оформлялся, иногда и акцентировался – то выемками, то, наоборот, дополнительным выпуклым элементом, поперечным или округлым (при продольном соединении), иногда треугольным (при лучевом соединении). Разнообразие проявлений принципа композитности и имитационности почти бесконечно, но сам этот принцип остаётся сквозным и неизменным.

Иногда лучевая и продольная состыковка сочетаются: в качестве одного из щитков выступает подтреугольная композиция, исходно, видимо, воспроизводящая округлый тройник-распределитель с бляшками пристёгнутых ремней; в качестве продольно пристыкованного щитка могут выступать пальметовидные элементы (явно ассоции-

* К слову, с находкой такой застёжки в погребении у дер. Ручейки близ Читы (Ковычев Е.В., 1985, с.54, рис.3 – 2, 3) связан забавный казус: ажурный декор простеньких щитков редуцирован до трёх отверстий, из-за которых публикатор усмотрел в составной застёжке две «личинообразные подвески» (и потому неверно их ориентировал на рисунке, ср. правильную ориентацию на указанной таблице из «Басандайки»), – несмотря на то, что один щиток имеет Т-образный выступ, явно для мягкой петли, крепившейся к симметричному щитку через отверстие на выступе без перекладины. Эта застёжка так и вошла в литературу под видом пары «подвесок с личинами», т.е. в какой-то мере повторилась история с волютовым ажурным декором геральдических щитков – антропоморфизм фурнитуры находят там, где его нет, упуская возможность верно понять историю вещей.

рующиеся с бляшками в виде «рыбьего хвоста»), имитации наконечников с валиком (оба типа представлены в Кудыргэ: Гаврилова А.А., 1965, табл.Х – 17 и табл.ХVIII – 14, ср. табл.ХV – 8) и т.п.

Встречается и *поперечная* состыковка; это, кажется, южносибирское локальное явление; в раннем варианте она представлена материалами культуры таштыкских склепов, в позднем – Т-образными тройниками (Азбелев П.П., 2008в; 2009, с.37). Именно таштыкские поперечные состыковки позволяют наглядно проиллюстрировать данный типогенетический механизм (рис. 1 – 9, 10, стрелка 7 показывает имитацию подвижного сочетания цельнолитым изделием); приложение его к раннетюркской культуре (рис. 1 – стрелка 8) ярче всего запечатлел известный таштюбинский пояс (рис. 1 – 11), где сформировавшиеся геральдические типы размещены на ремне в ими же имитируемом сочетании, причём в тот же набор входят и округлые бляшки (рис. 1 – 11в).

4. Происхождение и распространение

Вышеописанная триада – 1) собственно «геральдические» бляшки, 2) характерный ажурный декор и другие вариации симметричных полуволют, 3) принцип композитности и имитационности – в той или иной мере проявлена во всех областях бытования «геральдического стиля», но её составляющие всюду воплощаются по-разному, в зависимости от местного культурного контекста и, вероятно, обстоятельств распространения триады. В разных культурах геральдические элементы играют различную роль: доминируют или «проходят фоном», воспроизводятся «в чистом виде» или смешиваются с местными формами, порождая порой столь жёсткие корреляции геральдических и негеральдических элементов, что их можно считать почти неотъемлемой частью набора основных форм стиля (таковы, например, В-образные рамки пряжек и имитации наконечников с поперечным валиком на конце); геральдическая традиция поглощает эти и другие формы, включает их в свой типогенетический «арсенал» и порождает многочисленные локальные варианты, отличающиеся этими вторичными типами.

Именно поэтому и не стоит говорить о едином геральдическом стиле как об осознанном в древности культурном феномене; речь можно вести лишь о распространении по локальным стилям декора базового набора геральдических признаков, в разных сочетаниях элементов, на разных типологических этапах и в разном предметном контексте (украшения как ременные – пояс, узда и сбруя, так и не-ременные – костюм, оружие) – а следовательно, всякий раз при особенных исторических обстоятельствах. Поэтому нельзя использовать наличие тех или иных геральдических изделий как непосредственно датирующий признак: сперва следует в каждом случае выяснять, как развивались элементы геральдической триады в этих местах, как они взаимодействовали с местными типами – и лишь потом определять конкретные узкие даты.

Происхождение геральдической триады должно выясняться поиском культур, в которых ещё в «догеральдические» времена (то есть до третьей четверти I тыс. н.э.) сосуществовали образующие триаду признаки, их явные прототипы и основные коррелирующие типы. Как уже сказано, ранние приострѐнные геральдические щитки найдены в разнокультурных памятниках Средней и Центральной Азии. Симметричные полуволюты в рамках – в позднесарматских и синхронных памятниках Юга России и Причерноморья, в меньшей степени на востоке. В целом очевидна постепенная инфильтрация традиции на восток, вплоть до Кореи; маркирующие этот процесс пряжки с удлинёнными овально-трапециевидными рамками (рис. 1 – 5; особенно показательны балыктыюльские пряжки, наверняка западного производства) сплошь выгнуты из прутка, т.е. распространение происходило в первой половине I тыс. н.э. ещё до массового перехода к уплощённым вещам.

Южносибирские проявления традиции вписанных в рамку симметричных ажурных волют – бронзовые цельнолитые шпеньковые пряжки, в миниатюре имитирующие облик овально-трапециевидных рамок с язычками – минусинские таштыкские (рис. 1 – 6) и тувинские кокзельские; отдельные находки есть на Алтае. Важно, что эти миниатюрные (очень редко полновесные) изделия, во-первых, отмечают соединение одного из протогеральдических типов с традициями имитаций и моделирований наременных украшений, а во-вторых, связаны, как и вся культура таштыкских склепов (V-VII/VIII вв.), с ранне- (или пред-) тюркской культурной средой. Примечательно, что овально-трапециевидная рамчатая пряжка (без волют, вместо которых на язычке имеется расширение) найдена в том же Орлатском могильнике, что и костяные «протогеральдические» пластины (Пугаченкова Г.А., 1989, с. 125, Рис. 54 – вверху посередине); это подчёркивает культурную близость «прото-геральдических» типов и укрепляет вероятность их исходного сосуществования именно в этом регионе.

Наиболее развитая традиция «монолитизирующего» моделирования составных композиций известна в таштыкских материалах (продольная и поперечная состыковка) и в меньшей степени – в других саяно-алтайских культурах пред- и раннетюркского времени (продольная и лучевая состыковка). Местных корней эта традиция здесь не имеет; южносибирские культуры лишь усвоили типы, принесённые с юга, – насколько можно судить, на алтайском этапе развития раннетюркских племён, в последней трети V в., и сохранили их как минимум до второй трети VII в. (Азбелев П.П., 2008в). Коррелирующие типы – пряжки с В-образными рамками – представлены в Минусинской котловине как находками, так и рисунками на камнях (Панкова С.В., 2002, рис.1; Азбелев П.П., 2008б, с.462-464 и рис.1); встречаются и щитки с дугообразно фацетированными продольными сторонами (рис. 1 – 6). Дальневосточные рамки с волютами (корейские и японские) представляют иную ветвь развития этой традиции, отделившуюся до «геральдического» времени и развивавшуюся независимо (см. обо всём этом подробно: Азбелев П.П., 2009).

Поэтому, несмотря на отсутствие прямых вещественных свидетельств, по совокупности данных можно с высокой долей уверенности считать, что «геральдическая триада» сложилась в среднеазиатских или восточнотуркестанских степях предтюркской поры, скорее всего, в полиэтнической и мультикультурной среде с доминированием кочевнических традиций, и уже отсюда распространялась по всей Евразии.

По имеющимся датам, появление геральдических типов в Восточной Европе относится не ранее чем к середине – третьей четверти VI в., то есть примерно совпадает по времени с экспансией тюрков Первого каганата – наследников всё той же этнокультурной среды, ранее «выплеснувшей» на Енисей первых кыргызов. Имитационность может косвенно указывать на принадлежность исходных носителей триады к числу «младших», второстепенных племён какого-либо кочевнического союза, воспроизводивших элементы престижного предметного комплекса гегемонов, носителей традиций-прототипов, по крайней мере частично западного (по отношению к Центральной Азии и Восточному Туркестану) происхождения (Азбелев П.П., 2010б, с.29, прим.30). География находок наиболее характерных, часто встречающихся (т.е. с высокой долей вероятности – ранних) версий геральдических типов показывает, что первичное распространение сложившейся триады шло, по-видимому, с востока на запад. О том же говорят и сибирские элементы, рудиментарно проявляющиеся в европейской «геральдике» (Азбелев П.П., 1993).

Вместе с тем есть и западный вклад в типогенез ранней «геральдики». Естественно предполагать, что чем шире распространён тот или иной коррелирующий с триадой признак, тем скорее он окажется одного с ней происхождения. Таковы упоминавшиеся имитации восточноевропейских наконечников с поперечными валиками на конце, таковы и В-образные пряжки, заставляющие иметь в виду возможность участия каких-то восточноевропейских групп (или групп с восточноевропейскими корнями) в «геральдическом» ти-

погенезе на самых ранних его этапах. Так в истории геральдических вещей запечатлелся «маятник миграций» по Великой степи; письменные источники отражают его лишь наполовину: западная историография знала только миграции с востока, а о переселениях в обратном направлении – в Центральную Азию и Южную Сибирь – написать было некому, и эти события отражены лишь в археологических памятниках.

Дополнительный хронологический ориентир можно получить, учитывая положение геральдических бляшек на ремне: если орлатские прототипы ориентировались на ремне (судя по гравировкам) «остриём» вниз, то собственно геральдические бляшки в проверяемых (опять же по изображениям – чаще всего стоящих животных) случаях ориентированы «остриём» вверх. Пояс сабао Аньцзя (570-е гг.) тоже включал геральдические бляшки (рис. 1 – 2), но их ориентация определяется уже по смещённым вниз щелевым прорезам, каких на геральдических вещах обычно не встретишь – этот пазырыкский по происхождению элемент обрёл новую жизнь в культурах катандинского этапа, ассоциирующихся с эпохой уже не Первого, а Второго каганата и телеских ханств.* Поэтому (и с учётом восточноевропейских дат) небезосновательно считать, что к середине – второй половине VI в. геральдические типы уже оформились и далее развивались независимо от традиции бляшек со щелевой прорезью. В пользу «раннетюркской» версии говорит и присутствие в геральдических наборах (или в одних с ними комплексах) округлых бляшек (рис. 1 – 11): поясные наборы ашина были, насколько можно судить сегодня, «круглобляшечными», а в реконструируемой по косвенным данным культуре этого племени тоже присутствовал сильный западный субстрат.

Итак, по всей видимости, к моменту создания Первого тюркского каганата геральдическая триада уже окончательно оформилась как своеобразный культурный феномен, непосредственно предшествующий сквозным типам и традиционным комплексам древнетюркской эпохи. Если и использовать «геральдику» для прямого датирования, то лишь понимая промежуток «середина – вторая половина VI в.» как протяжённый *terminus post quem* – что не исключает появления отдельных геральдических элементов на местах и в более раннее время. Вместе с тюркской экспансией «геральдика» разнеслась по континенту, и была воспринята многими народами (преимущественно к западу от Центральной Азии), развивавшими её далее каждый по-своему, в зависимости от местного типологического контекста. Там, где изучена технология изготовления вещей, выясняется, что на «геральдику» распространяется целый «комплекс ювелирных приёмов», характерный

* Недавно было высказано мнение, по которому катандинские пояса имеют китайское происхождение, а китайцы, в свою очередь, «заимствовали этот традиционный кочевнический атрибут как раз в эпоху после крушения Хань, когда влияние кочевников на Китай было весьма ощутимым. В Китае этот тип пояса усовершенствовали и придали ему тот вид, который переняли тюрки» (Торгоев А.И., 2011, с.444). Но в китайских памятниках до-тюркского времени таких поясов нет вовсе, а в хуннскую/ханьскую эпоху в силе были хунны с их совсем иными поясами, тогда как носители «прото-катандинских» типов – племена, оставившие пазырыкскую, саглынкскую и др. культуры (судя по всему, именуемые в китайских источниках динлинами) – как раз из-за хунну были в упадке и вряд ли могли как-то повлиять на китайскую культуру. В послеханьское время наследники хунну – сяньби – «пост-пазырыкскими» / «прото-катандинскими» поясами, насколько можно судить, не пользовались и принести их в Китай не могли. Зато потомки динлинов, телеские племена, после VI-VII вв., когда тюрки «их силами геройствовали в пустынях севера», включились в новый этап степного политогенеза, и с середины VII в. именно их традиции составили специфику культур телеских ханств и Второго каганата, повлияв в этом качестве на Китай, что и породило многочисленные китайские имитации катандинских поясов, в том числе и нефритовые. Преемственность кочевых культур устанавливается по разным типам вещей и по погребальному обряду, и нет нужды искать здесь какое-то китайское посредство (подробнее см.: Азбелев П.П., 2010а; 2010в, с.33-37). Китайское влияние могло проявиться лишь в деталях вторичного декора, «надетого» на исконно кочевнические морфологические основы, но не более того.

для изготовления типично местных престижных изделий (на боспорском примере: Шаблавина Е.А., 2007, с.18).

Вряд ли до появления свода геральдических находок можно подробно восстановить соответствующие типогенетические процессы и стоящие за ними исторические события; но ясно, что ремесленники многих осёдлых и кочевых народов по достоинству оценили эстетический потенциал, заложенный в исходном наборе форм, декоративных элементов и композиционных принципов геральдической триады. С одной стороны, триада оставляла мастеру свободу для творческого самовыражения при воспроизведении чужих типов, а с другой – чётко структурировала образуемые при этом вторичные композиции и формы, что и породило изящный, узнаваемый и бесконечно разнообразный в своих независимых локальных проявлениях «распределённый феномен» геральдического стиля.

Сказанное позволяет наметить и основные этапы в развитии геральдического стиля, исходя из выявляемой с помощью триадного определения логики развития.

«Нулевой» этап – время сложения стиля, о чём сказано в этом подразделе выше.

Первый этап распространения сложившегося стиля – время Первого тюркского каганата, в престижной субкультуре которого геральдические наборы, как можно думать, занимали вторую позицию после «круглобляшечных» поясов ранних ашина. Для этого этапа характерны сравнительно несложные композитные формы, ещё мало искажённые (или мало развитые, если угодно) местными наслоениями. Находок этого периода очень мало; нужно признать, что здесь, как и вообще с кочевой культурой эпохи Первого каганата, мы имеем дело больше с реконструкцией, основанной на «отражениях» культуры народа-завоевателя в периферийных памятниках, тогда как погребения самих завоевателей неизвестны.

Второй этап – время переосмысления этих форм, обогащения их местными элементами и совмещением в новообразующихся типах с чертами катандинской традиции, маркируемой прежде всего таким элементом поясных блях, как смещённая вниз щелевая прорезь для подвесных ремешков. Это совмещение началось ещё на предыдущем этапе (пояс Аньцзя 570-х гг.), но тогда оно трансформировало прежде всего катандинскую традицию, принадлежащую второстепенным ордам Первого каганата. В VII в., когда эти племена обрели самостоятельность после развала тюркской державы, катандинские элементы уже доминируют над геральдическими. К этому времени относится и появление такого специфического типа, как шарнирные псевдопряжки.* Важно, что большинство вещей этого этапа принадлежит не кочевым, а осёдлым культурам, то есть геральдический стиль меняет (или как минимум расширяет) «среду обитания», попадая к людям с иным, нежели у кочевников, отношением к наременным гарнитурам.

* А.К. Амброз считал, что шарнирные псевдопряжки типологически старше цельных (1973: 294-295). Однако важная аргументирующая аналогия А.К. Амброза – дальневосточные пояса с повесными рамками на шарнирах (Амброз А.К., 1981, с.17) – как показывает история мотива парных волют, развивались изолированно (Азбелев П.П., 2009, с.36), а значит, не могли повлиять на общестепные типы. При этом конкретные экземпляры могут состоять в любом хронологическом соотношении, так как ранние типы воспроизводились и после образования новых вариантов, тем более если речь идёт о находках из разных мест. Нельзя переносить логику развития одного могильника или историю одной мастерской на целый континент – а именно так, в сущности, и поступил А.К. Амброз в случае с псевдопряжками, подменив вдобавок историю морфологической основы эволюцией декора, наслоившегося на неё в одном из регионов распространения. Он был убеждён, что явная нефункциональность кудыргинских псевдопряжек делает их типологически поздними по сравнению с перещепинскими – но логика развития, выявляемая триадным определением, свидетельствует об обратном: сперва формируется цельный имитирующий тип, и только потом он функционализируется добавлением шарнира, известного в кочевнической культуре издавна и потому не работающего датирующим обстоятельством.

Третий этап – остаточное бытование геральдических элементов, всюду, где они сохранились, воспринимавшихся уже как собственные традиционные и в этом качестве участвовавших в совершенно иных типогенетических процессах (в связи с которыми их и нужно рассматривать).

5. Южносибирские находки

Выяснив общую картину, можно для примера применить её к сибирским находкам, оценивая их уже не общо (как часть нерасчленённого геральдического массива), а дифференцированно, с учётом этапности развития стиля. Не имея здесь места для исчерпывающего обзора, возьму лишь несколько наиболее известных и ярких групп вещей.

«Прото-геральдические» типы представлены в Сибири прежде всего периферийной культурой таштыкских склепов и родственными памятниками Алтая и Тувы (об этом см.: Азбелев 1993); эти вещи принадлежали «diaspore» центральноазиатских племён предтюркского времени, расселение которых связывают с «этногеографическими» сведениями древнетюркских генеалогических преданий. Собственно геральдические типы представлены в Сибири ярче всего первыми этапами развития стиля.

Среди геральдических сибирских вещей в особом положении оказываются кудыргинские находки (Руденко С., Глухов А., 1927; Гаврилова А.А., 1965: 38-43): это не поясные, как обычно, а уздечные геральдические украшения (в других регионах сравнительно редкие), т.е. налицо частное уклонение от общего стандарта. Все они представляют вполне сформировавшийся стиль, не только далёкий от местных «протогеральдических» типов, но и напрямую с ними не связанный. Смещение кудыргинской «геральдики» на узду коррелирует с переходом на конскую упряжь и других элементов поясного декора (Азбелев П.П., 2010б). В Кудыргэ есть типологически поздние элементы – пальметки, подтреугольные композиции из круглых бляшечек; рамчатая бляшка с Т-образной «ножкой» – и вовсе едва ли не уникальна. Всё это признаки чужеродности «геральдики» для кудыргинцев и о её принадлежности ко второму этапу из выделенных выше, а чёткая типологическая разделённость поясных и уздечных украшений заставляет отнести алтайские находки к сравнительно ранним (в рамках второго этапа).

Осинкинские геральдические находки (Савинов Д.Г., 2000) имели отношение к поясу, а не к узде. Эта разница имеет принципиальное значение и позволяет заключить, что прямой связи между кудыргинскими и осинкинскими находками не было: всё это вещи близкого времени, но на Алтай они попали, по-видимому, разными путями и при разных обстоятельствах: могильник Кудыргэ (как и, может быть, Жана-Аул, – Кочевев В.А., Худяков Ю.С., 2000) оставлен, всего вероятнее, ордой Чеби-хана после 630 года (Азбелев П.П., 2000), а Осинки, как и отметил Д.Г. Савинов в публикации памятника – тюркизирующимся местным населением ещё во времена Первого или Восточного каганатов – это та же волна влияний первого этапа, которая принесла геральдический пласт в рёлкинскую культуру.

На Среднем Енисее находки геральдических вещей – большая редкость; экземпляры из Минусинского музея (Савинов Д.Г., 2008, с.189, рис.1 – 2) представляют тип шарнирных псевдопряжек, положение которых в общем эволюционном ряду «геральдики» указывает на принадлежность этих находок в целом ко второму этапу. Как уже сказано, типологически шарнирные псевдопряжки позже цельных (в том числе кудыргинских, известных лишь по рисункам), и нужно допустить, что кроме двух указанных выше эпизодов проникновения «геральдики» в Южную Сибирь был и третий, относящийся ко времени становления государства енисейских кыргызов – второй половине VII – началу VIII вв.; подробно восстановить исторический контекст пока затруднительно, можно лишь заметить, что «профилёвка» минусинских находок сближает их с восточноевро-

пейскими, а какие историко-культурные коллизии стоят за этих сходством – покажут, хочется верить, новые поиски.

Заключение

В заключение можно было бы подчеркнуть, что изучая сложные типогенетические процессы, следует прежде всего корректно систематизировать материал, чётко понимая, идёт ли речь о морфологических основах, об их оформлении или же о наслоившемся поверх него декоре, часто стороннем и с совершенно иной историей. Учёт этих различий позволяет даже на неполных выборках понять ряд закономерностей в развитии древней фурнитуры и внести чуть больше ясности в картину сложных процессов культурного развития. Но, конечно, это не снимает потребности в своде евразийской «геральдики». Такие работы велись в прошлом, но фундаментальная серия «Археология СССР / Археология», сама по себе замечательная, вытеснила, как известно, Своды археологических источников из числа приоритетных направлений издательской деятельности академических структур. Ныне речь идёт уже не столько об издании материалов законных раскопок, сколько о посильном учёте вещей, замеченных на торговых площадках или сфотографированных у грабителей – и среди этих «случайных находок» обнаруживается огромное число памятников геральдического стиля, вырванных из комплексов и обречённых кануть в бездне чёрного рынка древностей.

Поэтому мне хотелось бы завершить эти заметки – не по логике исследования, а по долгу археолога – напоминанием о незащищённости культурного наследия: сегодня памятники, как никогда прежде, подвергаются массовому коммерческому разграблению, а то и просто уничтожаются игнорирующими закон застройщиками. Часто не хватает совсем несложных шагов для того, чтобы изменить современную судьбу древностей к лучшему. Например, если из-за массовости распространения геофизической аппаратуры, доступность которой провоцирует появление всё новых расхитителей, нельзя вовсе пресечь продажу, скажем, металлодетекторов, то уже простое приравнивание их к числу спецсредств, подлежащих государственному учёту, создало бы дополнительные бюрократические предпосылки к укрощению грабителей. Полагаю, добиваться совершения этого и подобных шагов – наша общая обязанность.

Библиографический список

1. Азбелев, П.П. Сибирские элементы восточноевропейского геральдического стиля / П.П. Азбелев // Петербургский археологический вестник. – СПб, 1993. – Вып. 3. – С. 89-93.
2. Азбелев, П.П. К исследованию культуры могильника Кудыргэ на Алтае / П.П. Азбелев // Пятые исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. ТД Всеросс. науч. конф. (Омск: 19-20 октября 2000 г.). – Омск, 2000. – С. 4-6.
3. Азбелев, П.П. К систематике поясных наборов древнетюркской эпохи / П.П. Азбелев // Жилище и одежда как феномен этнической культуры. Материалы Седьмых Санкт-Петербургских этнографических чтений. – СПб, 2008а. – С. 285-290.
4. Азбелев, П.П. Первые кыргызы на Енисее / П.П. Азбелев // Вестник СПбГУ. Серия 12. – 2008б. – Вып. 4. – С. 461-469.
5. Азбелев, П.П. Таштыкские крестовидные распределители ремней / П.П. Азбелев // Случайные находки: хронология, атрибуция, историко-культурный контекст. – СПб, 2008в. – С. 122-127.

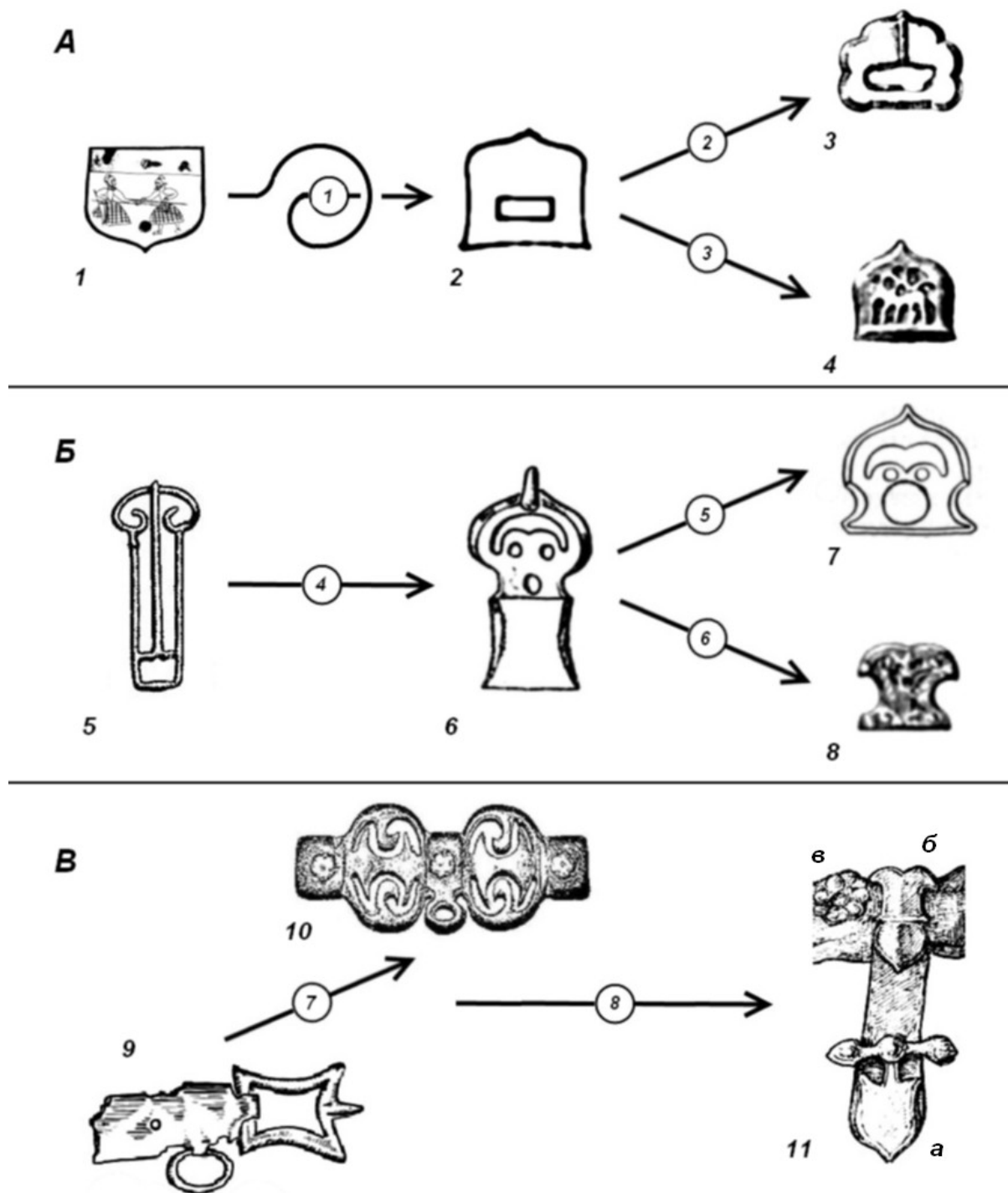

Рис.1. Геральдическая триада: А – происхождение геральдических щитков; Б – генезис ажурного декора и бляшек «в виде рыбьего хвоста» («рогатых»); В – цельные имитации составных композиций. 1 – Орлатский могильник (по Г.А. Пугаченковой); 2 – могила сабао Аньцзя (по Anjia tomb of Northern Zhou at Xi'an); 3 – Над Поляной (по А.А. Гавриловой); 4 – Кудыргэ (по А.А. Гавриловой); 5 – «мароманнская» пряжка (по М.Б. Щукину); 6 – Тепсей (по М.П. Грязнову); 7 – Арцыбашево (по А.К. Амброзу); 8 – Кудыргэ (по А.А. Гавриловой); 9 – Усть-Тесь (по Э.Б. Вадецкой); 10 – Минусинский музей, №А8468 (рис. автора по фото; благодарю Н.В. Леонтьева за уточнения); 11 – Таш-Тюбе (по В.А. Могильникову).

6. Азбелев, П.П. Таштыкский пояс / П.П. Азбелев // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск, 2009. – №1-2 (13-14). – С. 29-49.
7. Азбелев, П.П. Пояс эпохи Первого каганата / П.П. Азбелев // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири / Центральная Азия и Прибайкалье в древности. – Улан-Удэ, 2010а. – Вып. 4. – С. 300-303.
8. Азбелев, П.П. К истории седельного декора / П.П. Азбелев // Древности Сибири и Центральной Азии. №3 (15). – Горно-Алтайск, 2010б. – С. 75-91.
9. Азбелев, П.П. Кудыргинский сюжет / П.П. Азбелев – СПб, 2010в. – 60 с.
10. Амброз, А.К. Рец. на кн.: Erdélyi I., Ojtozi E., Gening W. Das Gräberfeld von Newolino., А.К. Амброз // СА. – 1973. – №2. – С. 288-298.
11. Амброз, А.К. Бирский могильник и проблемы хронологии Приуралья в IV-VII вв. / А.К. Амброз // Средневековые древности евразийских степей. – М., 1980. – С. 3-56.
12. Амброз, А.К. Восточноевропейские и среднеазиатские степи V – первой половины VIII вв. / А.К. Амброз // Степи Евразии в эпоху Средневековья (Археология СССР). – М., 1981. – С. 10-23.
13. Басандайка. Сборник материалов и исследований по археологии Томской области. – Томск, 1947 (на обложке – 1948). – 308 с.
14. Богачёв, А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья) / А.В. Богачёв – Самара, 1992. – 208 с.
15. Варёнов, А.В. Костяные и роговые изделия из могильника Цзяохэ (Яр-Хото) в Турфанской впадине в Восточном Туркестане / А.В. Варёнов, И.А. Бауло, П.И. Шульга // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Материалы Итоговой сессии Института археологии и этнографии СО РАН 2009 г. Т. XV. – Новосибирск, 2009. – С. 240-245.
16. Гаврилова, А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племён. / А.А. Гаврилова. – М.-Л., 1965. – 145 с.
17. Голдина, Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье / Р.Д. Голдина – Иркутск, 1985. – 280 с.
18. Ковалевская, В.Б. К изучению орнаментики наборных поясов VI-IX вв. как знаковой системы / В.Б. Ковалевская // Статистико-комбинаторные методы в археологии. – М., 1970. – С. 144-155.
19. Ковычев, Е.В. Средневековое погребение с трупосожжением из Восточного Забайкалья и его этнокультурная интерпретация / Е.В. Ковычев // Древнее Забайкалье и его культурные связи. – Новосибирск, 1985. – С. 50-59.
20. Кочеев, В.А. Реконструкция узды из древнетюркского погребения у с. Жана-Аул в Горном Алтае / В.А. Кочеев, Ю.С. Худяков // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 117-127.
21. Маршак, Б.И. Искусство Согда / Б.И. Маршак. – СПб, 2009. – 64 с. (In brevi)
22. Мацулевич, Л.А. Большая пряжка Перещепинского клада и псевдопряжки / Л.А. Мацулевич // Seminarium Kondakovianum. I. – Прага, 1927. – С. 127-140.
23. Ольховский, В.С. Скифская триада / В.С. Ольховский // Памятники предскифского и скифского времени на юге Восточной Европы. Материалы и исследования по археологии России. – М., 1997. – №1. – С. 85-96.
24. Панкова, С.В. К интерпретации загадочных фигур из Хакасии / С.В. Панкова // История и культура Востока Азии. Том 2. Материалы международной научной конференции. – Новосибирск, 2002. – С. 135-140.
25. Пугаченкова, Г.А. Древности Мианкаля. Из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции / Г.А. Пугаченкова – Ташкент, 1989. – 204 с.

26. Руденко, С. Могильник Кудыргэ на Алтае / С.И. Руденко, А.Н. Глухов // Материалы по этнографии. – Л., 1927. – Т. III. – Вып. 2. – С. 37-52.
27. Савинов, Д.Г. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху / Д.Г. Савинов – Л., 1984. – 174 с.
28. Савинов, Д.Г. Кудыргинский предметный комплекс на Северном Алтае (по материалам Осинкинского могильника) / Д.Г. Савинов // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. – Новосибирск, 2000. – С. 170-177.
29. Савинов, Д.Г. Ранние тюрки на Енисее (археологический аспект) / Д.Г. Савинов // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции. – Томск, 2008. – С. 185-190.
30. Торгоев, А.И. О происхождении и времени распространения поясов катандинского типа / А.И. Торгоев // Вопросы археологии Казахстана. – Алматы, 2011. – Вып. 3. – С. 432-446.
31. Шаблавина, Е.А. Техника изготовления художественных металлических изделий раннесредневекового Боспора: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е.А. Шаблавина. – СПб, 2007. – 25 с.